

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ

Том 14

*История
биологических наук*

Вып. 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

П. А. Фигуровский (главный редактор),
В. А. Голубцова, А. Т. Григорян, В. П. Зубов,
Б. С. Сотин, С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич

Редактор тома
С. Л. СОВОЛЬ

С. Л. СОБОЛЬ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ДАРВИНИЗМ В РОССИИ

С о д е р ж а н и е

Выступления Н. Н. Страхова за дарвинизм в начале 60-х годов XIX в. (стр. 195). — Poleмика о Дарвине и его учении в 1873 г. между М. П. Погодиным и А. П. Богдановым (стр. 210).

ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. Н. СТРАХОВА ЗА ДАРВИНИЗМ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XIX В.

Идеалист и славянофил Николай Николаевич Страхов завоевал себе навсегда незавидную популярность яркого антидарвиниста. Бессильные попытки Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова опровергнуть дарвинизм, их беззубые нападки на учение Ч. Дарвина — самое передовое направление биологической науки второй половины прошлого века — были со всей беспощадностью подвергнуты всесторонней критике и высмеяны Климентом Аркадьевичем Тимирязевым в его знаменитых статьях 1887 г. «Опровергнут ли дарвинизм?» и «Бессильная злоба антидарвиниста»¹. Принимая во внимание эти всем хорошо известные реакционные позиции Н. Н. Страхова, должно, надо думать, показаться удивительным, что в самом начале 60-х годов, лет за двадцать пять до своей полемики с Тимирязевым, Страхов выступал как активный защитник дарвинизма, как горячий апологет его.

Переход Страхова на антидарвинистические позиции начался уже во второй половине 60-х годов и заслонил его выступления и статьи 1860—1862 гг., которые (вероятно, поэтому) оказались полностью забытыми. Между тем, для истории борьбы за дарвинизм в России на самых начальных этапах ее, для характери-

¹ К. А. Тимирязев, Соч., т. VII, стр. 263—424, Сельхозгиз, М., 1939.

стики умонастроения прогрессивных кругов русских натуралистов того времени, наконец, для решения конкретного вопроса об авторе, времени и характере наиболее раннего сообщения об учении Ч. Дарвина в русской печати — забытые статьи молодого Страхова представляют несомненный интерес. Одна из двух статей, которые мы имеем в виду, — «Дурные признаки» — более или менее известна (хотя чаще всего только понаслышке) интересующимся историей дарвинизма в России, однако любопытные детали ее содержания забыты полностью; другая же, более ранняя статья, содержащая первое по времени русское сообщение о теории Дарвина и вместе с тем первую же защиту его, останется, как нам кажется, совершенно неизвестной.

«Появление человека на земле» — так называлась эта небольшая статья (вернее, заметка), появившаяся в VII отделе (страницы 1—9) первой, январьской, книжки «Журнала министерства народного просвещения» за 1860 г. Молодой Страхов, состоявший сотрудником этого журнала, на протяжении ряда лет, до и после 1860 г., печатал в этом отделе, посвященном критическим обзорам новых научных сообщений, которые появлялись в последних номерах научных иностранных журналов, рецензии и рефераты. Статья под указанным названием, принадлежащая, как пишет Страхов, перу «знаменитого сэра Чарлза Ляйелля», была прислана им «в филематическое Парижское Общество» и напечатана в журнале «L'Institut» (1859, стр. 308). В своей заметке Страхов дает полный перевод статьи на русский язык, присоединив в конце перевода критические замечания по поводу мистико-идеалистических взглядов известного немецкого зоолога и палеонтолога Г. Бронна на закономерности, определяющие развитие органического мира.

Упомянутая выше статья Чарлза Ляйелля представляет собой речь, произнесенную им на геологической секции 29-го Съезда Британской научной ассоциации, происходившего 14—21 сентября 1859 г. в городе Эбердине (Шотландия). Речь эта была посвящена вопросу «о находках изделий человеческой техники в постплиоценовых отложениях»². Анализируя эти находки (главным образом различные кремневые орудия, найденные во Франции и Англии) в связи с вопросом о геологическом возрасте отложений, в которых они были обнаружены,

² C. Lyell, On the Occurrence of Works of Human Art in Postpliocene Deposits (Introductory Address), «Report of the 29 Meeting of the British Association for the Advancement of Science; held at Aberdeen in Sept. 1859», London, 1860.

Ляйелль приходит к революционному по тому времени выводу, согласно которому надо признать «вероятной настолько большую древность человека, что он мог быть современником по крайней мере сибирского мамонта»³.

В связи с вопросом о древности человеческого рода Ляйелль в конце своей речи сообщил в нескольких фразах о предстоящем вскоре выходе в свет сочинения Ч. Дарвина «Происхождение видов». Он говорил (приводим его слова в переводе Н. Страхова): «Между теоретическими вопросами, разъясненными новыми успехами геологии и естественной истории, самый важный и в то же время самый темный есть вопрос о *происхождении видов*. Чарлз Дарвин скоро издаст сочинение об этом трудном предмете, составляющее плод двадцатилетних наблюдений и опытов зоологических, ботанических и геологических. Он приходит к тому заключению, что силы природы, производящие племена и разновидности животных и растений, суть те самые силы, которые в течение более длинных периодов производят виды, и, наконец, в ряду веков несравненно более длинном производят различия [т. е. различия], на которых основаны роды. Своими изысканиями и рассуждениями он, по моему мнению, успел разлить свет на целый класс явлений, тесно связанных с естественным сродством, географическим распределением и геологической последовательностью органических существ; между тем до сих пор не было ни одной гипотезы, которая бы имела целью объяснить эти явления»⁴.

Напомним, что эта речь Ляйелля была произнесена за месяц до выхода в свет первого издания «Происхождения видов» Дарвина (24 ноября 1859 г.), когда существо теории Дарвина (учение об естественном отборе) большинству натуралистов представлялось еще в очень смутном виде и было известно лишь на основании докладов Дарвина и Уоллеса, представленных Ляйеллем и Гукером 1 июля 1858 г. в Линнеевском обществе. Доклады эти в промежуток времени между заседанием Линнеевского общества 1 июля 1858 г. и выходом в свет «Происхождения видов»

³ Подробнее об этом выступлении Ляйелля и о той роли, которую оно сыграло в популяризации «Происхождения видов», см. в статье: С. Л. С о б о л ь, Первое июля 1858 — Двадцать четвертое ноября 1859 (Полемика вокруг идей Дарвина в период, предшествовавший выходу в свет «Происхождения видов»), «Журнал общей биологии», 1940, т. I, № 1, стр. 75—104 (особенно стр. 95—98).

⁴ Более точный перевод последней фразы: «.. ему удалось пролить яркий свет на многие категории явлений, связанных со сродством, географическим распределением и геологической последовательностью органических существ, которые никакая другая гипотеза не в состоянии была или даже не пыталась объяснить» (там же, стр. 96).

24 ноября 1859 г. получили в Англии довольно широкий отклик⁵, но были ли они как-нибудь отмечены за пределами Англии, и в частности в России, нам неизвестно. Речь Ляйелля, сообщавшая о предстоящем выходе в свет книги Дарвина и переведенная Н. Страховым на русский язык с французского, указывала, как мы видим, лишь на то, что теория Дарвина представляет собою учение о естественных закономерностях эволюции, происхождения видов животных и растений, что это учение основано на собранных Дарвином в течение двадцати лет зоологических, ботанических и геологических данных. О естественном отборе как важнейшей закономерности эволюционного процесса, выдвинутой Дарвином и Уоллесом, Ляйелль не упоминает ни словом.

В таком виде новое учение Дарвина стало впервые известным в России в январе 1860 г., т. е. спустя два месяца после выхода книги Дарвина в свет, благодаря появлению в «Журнале министерства народного просвещения» речи Ляйелля в переводе Страхова⁶. Этим, однако, не исчерпывается все значение рассматриваемого события. Как мы уже указывали, Страхов сопроводил речь Ляйелля своей полемикой с Бронном, воззрениям которого он противопоставил учение Дарвина, дав последнему исключительно высокую оценку. Следует при этом иметь в виду, что в тот момент Страхов мог знать об учении Дарвина только то, что сообщал в своей речи Ляйелль, но, как мы сейчас увидим, был полностью в курсе споров о постоянстве или изменяемости и эволюции органического мира.

Прежде всего необходимо отметить, что имя Дарвина — выдающегося путешественника, геолога и зоолога — было уже тогда, в начале 1860 г., отлично известно Страхову и чрезвычайно импонировало ему. Только этим можно объяснить слова, которыми Страхов начинает свою оценку сообщаемого Ляйеллем факта: «Ожидаемый труд такого ученого, как Чарльз Дарвин, имеет величайшую важность». Далее Страхов указывает на то, что «до сих пор ходячие, обыкновенные мнения натуралистов были противны теории перерождения видов», т. е. эволюционной теории. Это всеобщее мнение опиралось, говорит

⁵ Подробный анализ этих английских откликов см.: С. Л. С о б о л ь. Цитир. работа, 1940.

⁶ Эта январьская статья Страхова появилась по крайней мере за два месяца до первой статьи об учении Дарвина в «Вестнике естественных наук» (26 марта 1860 г.), и ее, следовательно, и надо считать первым на русском языке сообщением об учении Дарвина, если только в дальнейшем не будут обнаружены еще более ранние сообщения. См.: С. Л. Соболев, Первые сообщения о теории Ч. Дарвина в русской печати, «Бюллетень МОИП. Отд. биологии», т. 50 (3—4), 1945.

он, на авторитет Кювье. Но чем же объяснить, что «учение» о неизменности, постоянстве видов, пусть даже поддерживаемое авторитетом Кювье, могло получить распространение среди огромной массы натуралистов? С точки зрения Страхова суть дела заключалась в грубом эмпиризме естествоиспытателей, том эмпиризме, который, в силу отсутствия у его носителей критического философского мышления, стоит бок о бок с верой в фантастику, с мистицизмом. «Строгие эмпирики, — пишет Страхов, — люди, не выходящие за пределы известных им фактов, всегда бывают самыми смелыми теоретиками. За границу фактов они готовы принять что угодно, готовы предположить величайшие чудеса. Постоянство видов было одним из таких чудес. Это было нечто необъяснимое, непонятное, даже прямо противное взгляду, господствующему в науках о природе; но это находилось за границу фактов, и потому натуралисты считали дозволенным говорить об этом, ничем не стесняясь, и увлекаться всем, что могло увлекать их».

Разумеется, не в этом заключалась подлинная историческая причина господства креационизма в биологии вплоть до середины XIX в., господства, безраздельность которого была впервые подорвана появлением в 1859 г. труда Дарвина. Но было бы странно требовать в этом отношении настоящего историко-материалистического анализа от идеалиста Страхова в 1860 г. Для нас важнее то, что Страхов отважился именно в 1860 г. назвать креационизм «верой в чудо, необъяснимое, непонятное, прямо противное взгляду, господствующему в науках о природе», — пусть даже он сделал это с позиций идеалистической натурфилософии. Позитивная сторона выступления Страхова заключалась в том, что он призывал натуралистов отказаться от веры в чудеса, отвергнуть креационизм, учение о сотворении и неизменности видов и принять учение Дарвина, о котором ему было известно только то, что оно утверждает «перерождение видов», т. е. происхождение одних видов организмов от других в силу естественных законов природы.

С целью показать, насколько слабы по сравнению с последним воззрением, насколько не выдерживают малейшего прикосновения научной критики мистико-религиозные воззрения, Н. Страхов подвергает анализу книгу Г. Бронна «Исследования о законах развития органического мира», опубликованную в 1858 г. в ответ на объявленную Парижской академией наук премию на тему о происхождении организмов⁷. Книга Бронна, «преисполненная, — как пишет Страхов, — цифрами и отли-

⁷ H. G. Bronn, Untersuchungen über die Entwicklungs-Gesetze der organischen Welt, Stuttgart, 1858.

чающаяся необыкновенной точностью и всеобъемлющей ученостью автора», получила указанную премию.

Страхов приводит довольно длинную цитату из этой книги, показывающую, что Бронн, решительно отвергая возможность происхождения видов эволюционным путем, путем «перерождения нескольких немногих первичных форм», допускал, что «все растения и животные первоначально произведены некоторою неизвестной нам силою природы»; эта сила «стояла в теснейшей и необходимейшей связи с силами и переворотами, образовавшими земную поверхность», и именно при помощи этой силы творец руководил развитием органической природы. Отметим, что Бронн был первым, кто перевел «Происхождение видов» Дарвина на немецкий язык (в 1860 г.), но его только что изложенные взгляды не позволили ему понять Дарвина, что видно как из его рецензии на «Происхождение видов», напечатанной в начале 1860 г. в руководимом им геологическом журнале, так и из его «дополнительной главы» к немецкому переводу «Происхождения видов». В частности, в рецензии Бронн, по-своему и совершенно неправильно изложив теорию естественного отбора, писал: «...каким образом мыслимо, чтобы столь мудро рассчитанный до последнего волоконец организм, как бабочка, змея или лошадь и т. д., мог бы явиться продуктом одной лишь слепой силы природы!»⁸.

При таких взглядах Бронна сущность «неизвестной нам силы природы», предлагаемой Бронном в качестве создателя всех организмов, достаточно ясна, и Страхов подвергает эту «силу» Бронна уничтожающей критике. Бронн, пишет он, «злоупотребляет...ученым словом *сила*. Заметивши какое-нибудь явление, мы еще не имеем права сейчас предполагать, что оно производится *особою* силою. По Дарвину, как мы видели, перерождение совершается теми же силами, какие действуют ныне. Тут есть объяснение, именно подведение одних явлений под другие более известные. А сказать — явление производится *особою*, неизвестною силою — значит пока ровно ничего не объяснить». Далее Страхов показывает, что «новая сила» Бронна либо является «произведением» известных нам геологических сил (и тогда в ней нет ничего нового), либо же стоит над геологическими силами, управляет ими, постепенно «подготавливая землю для более и более совершенных организмов». Именно второе имеет в виду Бронн — говорит Страхов.

⁸ Подробнее о Бронне и его отношении к Дарвину см.: С. Л. С о б о л е в, К истории создания Дарвином его «Исторического очерка развития воззрений на происхождение видов», «Бюлл. МОИП. Отд. биологии», 1949, т. 54 (1), стр. 85—95.

Но в таком случае, заключает он, Бронн «составил свою силу наподобие знаменитой жизненной силы. Как в организме вещественные явления должны подчиняться действию жизненной силы, так и в земном шаре геологические явления управляются особой силой, и эта сила имеет ясную цель — приготовить условия для жизни высших существ, а именно человека». Но такое учение ведет к чистой телеологии, к возрождению «конечных целей», что Страхов считает совершенно неприемлемым для естествознания. «Таким образом, говорит он, — земной шар сам превращается в организм, одаренный особенной зиждущей силой, таким образом опять является сила, неизвестно как действующая, но действующая по целям, словом — повторяются прежние, многократно оспариваемые понятия».

В заключение Страхов указывает, что в начале своей работы Бронн в вопросе о происхождении органического мира считает возможным только два предположения: либо все организмы во всех деталях сотворены непосредственно творцом, либо же творец руководил силою, которая привела к возникновению всех органических существ. «К сожалению, — заключает Страхов, — Бронн не доказывает, действительно ли никакие другие предположения не возможны; тогда как очевидно, из двух его предположений невозможно принять ни одного».

Изложенное выступление Страхова не может особенно удивлять нас даже в том случае, если мы примем во внимание его будущие антидарвинистские взгляды. Страхов с давних пор активно выступал как эволюционист, настойчиво поддерживал идею исторического развития органического мира, а в той трактовке учения Дарвина, которую привел в своей речи Ляйелль, не было, как мы видели, даже намек на естественный отбор как основной фактор эволюционного процесса. Ляйелль подчеркивал лишь в своем изложении учения Дарвина близкую к его геологическим воззрениям униформитарянскую направленность концепции Дарвина: исторический процесс образования новых видов во все времена происходил под действием тех же сил, какие действуют на земном шаре и в настоящее время. Эти же силы, действуя в течение более длительных промежутков времени, приводят к образованию родов и более высоких таксономических единиц. Все эти представления были вполне приемлемы для гегельянца Страхова, для которого идея единства и развития мира⁹ была основным положением диалектико-идеалистической картины мира.

⁹ Первоначально, разумеется, «развития» в гегелевском, идеалистическом понимании.

Более того, Страхов начал свою научно-литературную деятельность как биолог. В 1857 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «О костях занятых млекопитающих». Одним из его неофициальных оппонентов на защите был будущий знаменитый микробиолог Лев Семенович Ценковский. Как указывает сам Страхов в своей статье «О методе наук наблюдательных» (декабрь 1857 г.)¹⁰, эта посвященная вопросу о классификации статья была написана им в связи с некоторыми возражениями, сделанными ему Л. С. Ценковским при защите диссертации. Ряд мыслей, развиваемых здесь Страховым, показывает, что, несмотря на свой идеализм, он стихийно правильно подходил к пониманию некоторых основных биологических проблем. Так, он доказывал, что систематические категории (в зоологии и ботанике) отражают действительные отношения, действительно существующие в природе явления, а не представляют собою чисто логический прием или отвлеченные построения. Многие натуралисты (Рэй, Линней, Бюффон, Фабриций, Жюссье, Шлейден, Бурмейстер) — писал Страхов — утверждают в один голос, что «природа не делает скачков». Этот взгляд казался Страхову «странным», противоречащим «самым простым ежедневным наблюдениям». По его мнению, положение «природа не делает скачков» противоречит «как учению о постоянстве видов, так и учению об их превращении». В последнем случае по той причине, что «если и можно принять переход одной формы в другую, то переход этот должен быть настоящим превращением, т. е. происходить быстро, скачком».

Не вдаваясь в вопрос о том, что именно понимал Страхов под «скачком» и какие скачки он имел в виду, мы можем во всяком случае установить, что он приветствовал новое эволюционное учение Дарвина, во-первых, как сторонник идеи исторического развития органического мира, преобразования одних видов в другие по естественным законам природы, а не путем чуда, и во-вторых, как натуралист, испытавший удовлетворение при мысли о том, что новое эволюционное учение построено на основе обширного ботанического, зоологического и геологического (палеонтологического) материала. Как, однако, отнесся Страхов к теории Дарвина в собственном смысле — к теории естественного отбора, когда получил, наконец, воз-

¹⁰ Эта статья была перепечатана Страховым в изданном им позднее сборнике «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1865, стр. 3—71). Цитированные ниже места из этой статьи см. на стр. 12—13 указанного сборника.

возможность познакомиться с ней в начале 1860-х годов? Зная столь резко проявленное Страховым впоследствии отрицательное отношение к Дарвину, имеем ли мы основание думать, что в начале 60-х годов оно было иным?

Впервые Страхов высказал свое отношение к теории естественного отбора Дарвина в самом конце 1862 г. в статье «Дурные признаки»¹¹, представляющей собою критический разбор вступительной статьи к первому изданию перевода «Происхождения видов» на французский язык. Автором перевода и вступительной статьи была некая Клеменция Руайе из Лозанны¹². Страхов начинает с констатации блестящего прогресса в развитии естествознания в его время. Прогресс такого размаха не имеет себе примера в прошлой истории человечества. Его взгляды на развитие естествознания полны оптимизма: «Как бы мы ни смотрели на ход других проявлений ума, — говорит он, — в науках о природе невозможно видеть признаков упадка, а необходимо признать полную живучесть, свежую и здоровую силу» (стр. 161). Философы не всегда понимали значение естествознания. Мальбранш, например, в своем сочинении «О розыскании истины» считал изучение насекомых или червей пустяковой забавой, «он находил, что гораздо лучше рассуждать о боге», но деятельность натуралиста «дает ему точные и строгие результаты и ведет его шаг за шагом вперед, между тем как философ, рассуждая о боге, легко может остаться при одной заслуге *доброго намерения*» (стр. 162).

Для натуралистов стало ясно, что они делают важное для человечества дело, и оттого они усердно работают, но из этого все же не следует, что естествознанию можно приписывать «универсальную роль *спасения*» во всех проблемах, волнующих человечество. Намекая на религию и метафизику, Страхов пишет: «Имея в себе задатки самобытного развития, они [естественные науки] постепенно освобождались от посторонних влияний, постепенно сбрасывали с себя следы чуждого им духа, но однако же никогда не были во главе движения, никогда не руководили общим настроением умов» (стр. 163). Это происходило по той причине, что не естественные науки определяли «дух времени», а скорее наоборот — они зависели от «духа времени». Вот

¹¹ Н. Страхов, Дурные признаки, «Время», 1862, ноябрь, стр. 158—172 (вторая нумерация). В дальнейшем ссылки на страницы этой статьи даны нами в скобках в тексте вслед за цитатами.

¹² Ch. Darwin, De l'origine des espèces ou des lois du progrès chez les êtres organisés. Traduit en français sur la troisième Edition avec l'autorisation de l'Auteur par Mlle Clémence-Auguste Royer avec une préface et des notes du traducteur, Paris, 1862, LXIV, p. 712. В 1866 г. вышло второе исправленное издание этого перевода.

почему во всякой попытке естественных наук взять на себя руководящую роль в общей жизни человеческого общества, тем более в тенденции применить к человеческому обществу законы, действующие в мире животных и растений, Страхов усматривает «дурные признаки», вредное и для естествознания и для общественных наук направление мысли. Именно такое неправомерное стремление распространить на жизнь общества закономерности, обнаруженные Дарвином в мире животных и растений, увидел Страхов в предисловии Клеменции Руайе к ее переводу на французский язык труда Дарвина «Происхождение видов».

С целью возможно полнее и убедительнее раскрыть научную несостоятельность развиваемых Руайе идей Страхов дает сначала короткое изложение и оценку учения Дарвина. Дарвин, говорит он, совершил «великий переворот» в науке об организмах. До Дарвина в этой области господствовало «метафизическое мировоззрение, по которому мир, все вещи, вся история, все организмы являются совокупностью и столкновением вечных свойств и неизменных вещей» (стр. 164). Согласно этому воззрению, видам животных и растений все их свойства принадлежат «от создания», виды неизменны и их, по известному положению Линнея, столько, сколько было создано творцом в начале бытия. «Самое познание, — говорит Страхов, — считалось ничем иным, как постепенным открытием неизменных, вековечных сокровищ истины. Новые открытия только численно умножали умственные познания, но ни в чем существенно не изменяли дела» (стр. 165). Постепенно, однако, это мировоззрение расшатывалось, постепенно возникало понимание того, что неизменны, постоянны «не сущности, а законы их изменения». Тем не менее, попытки натурфилософов, а позже даже таких выдающихся натуралистов, как Ламарк и Жоффруа Сент-Илер, сформулировать основные положения учения об историческом развитии организмов и их происхождении друг от друга рассматривались подавляющим большинством натуралистов «как смелая игра воображения, как гипотеза, недостойная науки». Этих натуралистов, придерживавшихся метафизического воззрения на органическую природу, нельзя оправдать даже тем, что они основывали свои взгляды на твердо установленных фактах: «Фактов, доказывающих постоянство вещей, — говорит Страхов, — нет и быть не может; сколько бы времени мы ни наблюдали вещи, мы не можем ручаться, что они не изменялись до наших наблюдений и что они не изменятся после них. Неизменности открыть нельзя, открыть изменение возможно» (стр. 166).

По мнению Страхова, книга Дарвина представляет собою последний успех, последнюю победу того, противоположного метафизическому, мировоззрения в биологии, которое утверждает веру в прогресс, в развитие, в усовершенствование мира животных и растений. Эта книга опровергает так называемое постоянство видов — догмат, который упорно защищали до сих пор «все признанные натуралисты, верившие в то, что виды не происходят, а существуют искони». Изложив основные положения общего учения Дарвина об эволюционном развитии органического мира, Страхов указывает затем, что по существу идея Дарвина «не нова», что ее высказывали не раз до Дарвина. Однако у Дарвина «она получает полный вес», и происходит это потому, «что ему удалось найти черты одного из тех законов, по которым совершается изменение видов. Закон, который им найден, назван им *законом естественного избрания* [т. е. естественного отбора] или *жизненной конкуренции*» (стр. 166).

Страхов называет естественный отбор «прекрасным законом», определяющим «постепенное перерождение [т. е. эволюцию] видов». Он полагает, что этот закон не исчерпывает всех законов исторического развития организмов, он даже думает, что «Дарвин, кажется, не замечает недостаточности этого закона», но вместе с тем заявляет, что Дарвину «принадлежит великая заслуга первого указания на внутренний закон развития организмов... Процесс этого внутреннего развития — продолжает Страхов — конечно очень сложен и не так еще скоро будет нам ясен, но те черты, которые указал в нем Дарвин, без сомнения совершенно точны и верны» (стр. 167).

В этой высокой оценке дарвиновской теории естественного отбора вряд ли возможно узнать ожесточенного антидарвиниста Страхова 70—80-х годов прошлого века, против которого направлял свои острые стрелы К. А. Тимирязев. Она вполне понятна, однако, для молодого Страхова, который строил свою диссертацию¹³ 1857 г. на идее единства животного мира и в качестве примера, подтверждающего подлинное родство животных, избрал гомологию костей запястья разнообразных представителей класса млекопитающих. В тезисах к своей диссертации он, между прочим, писал: «6. Разделение сложных костей на гомологически-сложные и телеологически-сложные, предложенное Оуэном, не может быть принято. — 7. Жизненная сила не должна быть допускаема даже как предположение. — 8. Все вещественные явления органических тел совершаются

¹³ Н. С т р а х о в, О костях запястья млекопитающих, «Ж. М. Н. П.» 1857, сентябрь, отд. II, стр. 274—332.

по необходимым вещественным законам, как и в неорганической природе»¹⁴.

Эти положения, в которых нацело отвергались телесология, витализм и применение к биологическим явлениям каких-либо сверхнатуральных «закономерностей», для конца 50-х годов звучали несомненно прогрессивно, так же как и нижеследующее заявление Страхова в его обзоре проблемы самопроизвольного зарождения, напечатанном в марте 1859 года: «...есть причина думать, что оно [произвольное зарождение] если не совершается теперь, то непременно совершалось прежде. Геологические исследования показывают, что была эпоха, когда на земле не было организмов, что потом они постепенно появлялись и исчезали. Если последующие организмы и можно производить от предыдущих, то первые организмы очевидно должны были произойти без участия других, следовательно зародиться произвольно»¹⁵.

Не следует, однако, думать, будто в то время, в 50-х годах, Страхов был материалистом. Наряду с приведенными положениями, которые, несомненно, для мировоззрения Страхова конца 50-х — начала 60-х годов являются решающими, мы можем встретить у него чисто идеалистические и даже религиозные высказывания. Они носят, однако, явно затушеванный, приглушенный характер, не представляя еще собою доминирующих моментов в его концепциях, по крайней мере, специально относящихся к естественнонаучным и, в частности, к биологическим проблемам. Хорошим примером может служить приведенный выше 8-й тезис его диссертации, в котором Страхов в завуалированной форме дает понять, что он остается дуалистом, что «необходимые вещественные законы» относятся *только* к «вещественным явлениям органических тел» и, следовательно, не относятся к...«душе». Молодой, только что начавший свою научную и литературную деятельность зоолог и философ, Страхов (разночинец из духовного звания) был захвачен мощными передовыми научными течениями того времени и активно выступал в защиту радикальных естественнонаучных теорий. Недаром он, заканчивая в статье «Дурные признаки» свою характеристику учения Дарвина, писал: «...книга Дарвина представляет великий прогресс, огромный шаг в движении естественных наук...По обыкновению она возбудила сильную

¹⁴ Н. Страхов, О костях зайастья млекопитающих, «Ж. М. Н. П.», 1857, сентябрь, отд. II, стр. 332.

¹⁵ Н. Страхов, Произвольное зарождение, «Ж. М. Н. П.», 1859, март, отд. VII, стр. 111—118.

оппозицию, в особенности в Англии, в особенности у тамошних духовных, чего, конечно, и надобно было ожидать» (стр. 167).

Последние слова Страхова показывают, что он определенно связывал передовые течения в естествознании с идеологией прогрессивных общественных кругов и понимал, что такого рода течения должны, наоборот, неизбежно встретить ожесточенное сопротивление со стороны наиболее реакционных кругов общества и прежде всего — со стороны кругов церковных. Видимо, радикальные течения русской общественной мысли знаменательной переломной эпохи 50—60-х годов оказали воздействие на молодого Страхова и временно вовлекли его в свое русло. Подтверждение этому дает вторая часть его статьи «Дурные признаки», та, главная, часть статьи, которая собственно и посвящена резкой критике «дурных признаков» — расизма и социал-дарвинизма Клеменции Руайе. Отметим попутно, что именно ей, по всей видимости, принадлежит сомнительная честь быть провозвестницей тех, кто впоследствии неоднократно делал попытки использовать благородное учение Чарльза Дарвина в качестве идеологической основы расовой и классовой дискриминации. И наряду с этим именно Страхову, как это ни странно, принадлежит первое выступление против такого рода попыток, против грубого искажения основного смысла великого учения Дарвина.

Переходя к критическим замечаниям на вступительную статью Руайе, Страхов прежде всего указывает, что среди откликов на книгу Дарвина «Происхождение видов» нет «ничего страннее и неожиданнее» отзыва французской переводчицы этой книги — Руайе. Преподавательница истории, права и экономики в Лозанне (Швейцария) Руайе «поспешила вывести из великого переворота естественных наук самые далекие и самые общие следствия» (стр. 168). По словам Страхова, Руайе считает, что теория Дарвина дает «абсолютный критерий того, что хорошо и что дурно в нравственном отношении, так как нравственный закон всякого вида есть тот закон, который стремится к его сохранению и размножению, к его прогрессу сообразно с местом и временем» (там же). Исходя из этого, Руайе утверждает, будто Дарвин доказал, что высшим законом человечества, «премудрым законом провидения», является жестокий закон конкуренции и борьбы, ведущий якобы к прогрессу. «Слабые погибнут, — говорит Руайе, — и выдержат борьбу только естественно избранные, лучшие, привилегированные члены, так что в результате получится прогресс, улучшение всего племени». — «Подобные мнения, — восклицает Страхов, — чудовищны, невероятны», но Руайе, говорит он, идет еще даль-

ше, заявляя, что все «слабые», больные и т. п. *подлежат уничтожению* (стр. 169).

Страхов издевается над «смелостью» выводов Руайе, которая считает, что люди должны применять в человеческом обществе законы борьбы животного и растительного мира. Напрасно она думает, говорит Страхов, что в человеческом обществе до сих пор «слишком преувеличивали сострадание, милосердие и самопожертвование». «У нас, — продолжает он, — всегда шла великолепнейшая *жизненная конкуренция* и закон *естественного избрания* постоянно находил полнейшее применение. Сильный давил слабого, богатый бедного, и вообще из малейшего преимущества была извлекаема в этой борьбе наибольшая выгода, какую только оно могло доставить. Жертвы погибали во множестве. Люди, которым не было места на пиру жизни, тем или иным способом должны были покидать поле битвы» (стр. 170).

Страхов глубоко возмущен тем, что в теории Дарвина Руайе находит «основания против учения о политическом равенстве людей». По ее словам, такое равенство «невозможно, вредно и противоестественно», ибо «нет ничего очевиднее, как неравенство различных человеческих рас; нет ничего яснее, как это же неравенство между различными неделимыми [т. е. отдельными индивидами] одной и той же расы... нужно не раз подумать об этом, прежде чем провозгласить политическую и гражданскую свободу в народе, состоящем из меньшинства индогерманцев и из большинства монголов или негров ... Люди не равны по природе... они не равны индивидуально...» (стр. 170—171).

На эти типично расистские и буржуазно-классовые рассуждения Руайе Страхов негодующе ответил следующим образом. Руайе крайне расширила область применения теории Дарвина, распространив ее на человеческое общество. То обстоятельство, что люди разных рас, да и одного и того же народа, различаются по своим физическим и психическим качествам, не составляет какого-либо нового открытия. Когда, однако, говорят о равенстве всех людей, то под этим отнюдь не имеют в виду какое-то зоологическое равенство, — «люди равны между собой *именно как люди*, а не как животные. Этот одинаково всем принадлежащий признак *человеческого достоинства*... в глазах людей так важен, так велик и существен, что покрыл собою все очевидные различия, которые отделяют невежественнейшего из негров от образованнейшего из европейцев» (стр. 171). К этому совершенно правильному положению Страхов приходит на основе признания качественного своеобразия того явления, которое называется человеческим обществом. Однако это качественное

своеобразие Страхов понимает не как диалектик-материалист, а как диалектик-идеалист: «Совершенно очевидно одно: мы перестаем понимать человеческую жизнь, мы теряем ее смысл, как скоро не отделяем человека от природы, как скоро ставим его на ряду с произведениями природы и начинаем судить о нем с той же точки зрения, как о животных и растениях. Тайна человеческой жизни заключается в ней самой... Линней сказал: «Какая жалкая вещь был бы человек, если бы он не стремился к сверхчеловеческому... но мы твердо убеждены, что то, что Линней называет сверхчеловеческим, в сущности есть истинно-человеческое» (стр. 172).

Хотя это рассуждение Страхова признает в скрытом виде особое, предопределенное неисповедимым промыслом, положение человека во вселенной, но его правильный вывод о неприменимости к человеческому обществу биологических закономерностей должен был сыграть в свое время положительную роль в определении в глазах русской интеллигенции 60-х годов пределов применения дарвиновского учения об естественном отборе. Можно только удивляться тому, как мог автор всех этих положений уже очень скоро после этого (в середине 60-х годов) начать отход на реакционные позиции, а в самом начале 70-х годов скатиться до безудержной проповеди мракобесия в науке. Так, в двух небольших статьях о Дарвине, опубликованных в 1872 и 1873 гг., а в 1883 г. вновь перепечатанных им во второй книжке его сборника «Борьба с западом в нашей литературе» (стр. 110—146), Страхов, не в силах отрицать самый факт эволюции, исторического изменения видов растений и животных, пытается хитроумно доказать, что теория Дарвина — неверная, ошибочная, так как она основана на «грубо » идее игры случайностей, — по существу и не нужна, ибо дело не в рациональном объяснении явлений природы, а... в моральном понимании их. «Не все ли нам равно, — говорит Страхов, — представляют ли собою молния и гром результат действия физических сил природы или... стрелы в руках мстящего за безнравственность бога? Второе понимание — пусть неверное — даже лучше, так как оно... объясняет нам причину гибели человека, пораженного молнией, — он наказан богом!...» Не стоит протолкивать дальнейшую эволюцию Страхова в сторону полного отхода его от тех позиций, которые он занимал на переломе 50—60-х годов. Плеханов когда-то очень метко охарактеризовал взаимоотношения славянофилов и гегельянцев: «Некоторые считают славянофилов гегельянистами. Это огромная ошибка. Славянофилы изучали, — да и то не все, — Гегеля. Но влияние этого мыслителя толкало их не на Восток, а на Запад. Пока

некоторые из них поддавались ему, они не были настоящими славянофилами. Славянофильство было перенесенным в область историсофии отрицанием души гегелева учения: его диалектики»¹⁶. Превосходным примером, вполне подтверждающим мысль Плеханова, является Страхов с его эволюцией от идеалистической диалектики Гегеля и увлечения передовыми достижениями естествознания в сторону мистицизма и славянофильства.

ПОЛЕМИКА О ДАРВИНЕ И ЕГО УЧЕНИИ В 1873 Г. МЕЖДУ М. П. ПОГОДИНЫМ И А. П. БОГДАНЫМ

Вряд ли широким кругам советских биологов известно, что Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — знаменитый русский историк, крайний реакционер и монархист, правый славянофил и глашатай концепции «официальной народности» — выступил в 1873 г. со статьей о дарвинизме. Эта статья была включена Погодиным в состав дважды (в 1873 и 1874 гг.) изданной им книги, носившей претенциозное название «Простая речь о мудреных вещах»¹⁷. «Простая речь» — не что иное, как собрание «афоризмов», воспоминаний и «мудрствований» престарелого историка и публициста, в которых он с удивительной обнаженностью раскрывает свое злобное лицо мракобеса и мистика, глубоко ненавидящего все светлое и передовое в общественной мысли, в науке, в литературе, лицо человека, который, распластавшись перед царем и иконой, «верноподданнически» оплевывает свой собственный народ¹⁸. Трудно придумать более позорный памятник себе самому, чем это сделал Погодин, опубликовав свою «Простую речь»¹⁹.

В третьем «отделении» «Простой речи», носящем название «К злобе дня», Погодин и поместил свою статью «Система Дарвина» (стр. 63—136), представляющую собой отвратительно пошлую и в научном отношении совершенно безграмотную «критику» эволюционного учения Дарвина, а вернее — донос охранно-полицейским властям на «крамольное учение», донос,

¹⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, М.-Л., 1926, стр. 53; курсив наш (за исключением двух последних слов цитаты).

¹⁷ Дальнейшие ссылки даются по второму изданию этой книги (М., 1874), состоящему из трех «отделений», каждое со своей нумерацией страниц.

¹⁸ Превосходный анализ мировоззрения Погодина дан Г. В. Плехановым в статье «М. П. Погодин и борьба классов» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, М.-Л., 1926, стр. 45—101).

¹⁹ Зло высмеял Погодина и его «Простую речь» Н. К. Михайловский: Н. К. Михайловский, Полное собр. соч., изд. 5, т. I, СПб., 1911, стр. 960—967 («Из литературных и журнальных заметок 1873 года»)

написанный в ханжески-слейном тоне и вместе с тем перешол-пенный грубой бранью по адресу «нигилистов», «спекулянтов-писателей», «неучащейся молодежи», «журнальной сволочи», — так выражался профессор Московского университета, «маститый историк» Погодин, когда ему приходилось говорить о наиболее передовых кругах русской интеллигенции 60—70-х гг.

Прямым поводом для написания Погодиным его злобной статейки был выход в 1871 г. в свет одновременно трех русских переводов «Происхождения человека» Дарвина, один из которых редактировал И. М. Сеченов. В Англии и Германии выпады против Дарвина со стороны церковников и реакционеров различных мастей, весьма похожие по своему характеру, тону и содержанию на «критику» Погодина, появились сразу же после выхода 1 и 2 изданий «Происхождения видов», в течение 1859—1861 гг., а в последующие годы стали постепенно затухать. У нас, наоборот, волна общественного подъема конца пятидесятых — начала шестидесятых годов способствовала можно сказать почти триумфальному шествию дарвинизма, — в то время голоса наших отечественных антиэволюционистов (в антидарвинистов они еще не успели выкристаллизоваться) звучали одиноко и приглушенно. Но начавшая разворачиваться у нас в самом конце 60-х и в начале 70-х годов политическая реакция должна была, конечно, встретить в штыки «Происхождение человека» Дарвина, немедленно после своего выхода в Англии переведенное на русский язык, да к тому же еще выпущенное одновременно тремя издателями. Этого благонамеренные охранители «официальной народности» — самодержавия и православия — не могли, конечно, перенести спокойно, тут дело шло уже не только об естественном (а не «божественном») происхождении растений и животных, а о животном происхождении человека, что с точки зрения охранителей грозило полным подрывом одного из важнейших столпов официальной народности — православия. Вот почему Погодин прямо и начинал свою статью заявлением, что приступил к чтению Дарвина «со злобою, с ненавистью»: «меня, — писал он, — возмутили в особенности бессовестные объявления спекулянтов-писателей вдруг [т. е. сразу] о трех переводах его сочинения, в которых для зазыва покупателей-читателей провозглашалось с торжеством во всеуслышание, что в этой-де книге доказывается происхождение человека не от обезьяны, а от четвероногого зверя, покрытого волосами, с клыками и хвостом и проч.» (стр. 63).

Впрочем, русская цензура уже до Погодина занялась «Происхождением человека» Дарвина в русском переводе и готовила

скорпионы против второго издания его ²⁰, что как известно, вызвало написание А. К. Толстым его знаменитого «Послания о дарвинизме» к Председателю главного управления по делам печати М. Н. Лонгинову:

«Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем.

Отчего б не пошешу,
Введены во бытие мы?
Иль не хочешь ли уж богу
Ты предписывать приёмы?

Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати,
Знать не может председатель
Комитета о печати.

Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

Но на миг положим даже —
Дарвин глупость порет просто —
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!».

Мы не знаем, имел ли Погодин возможность уже в 1872—1873 гг. познакомиться со стихотворением А. К. Толстого, но вполне возможно, что, не осмеливаясь назвать близкого к царскому двору поэта, он имел намерение парализовать в глазах Лонгиновых действие ядовитых стихов «Послания». Во всяком случае, его статья, написанная, по-видимому, вскоре после посылки Толстым его стихотворения Стасюлевичу (что произош-

²⁰ Х. С. К о ш т о я н ц, П. М. Сеченов, Изд. АН СССР, М.-Л., 1945, стр. 155.

до в конце 1872 г.), содержит прямую защиту тех положений, которые высмеивает Толстой.

Нет, разумеется, никакого смысла излагать здесь статью Погодина, да и не стоило бы вспоминать о ней, если бы не одно весьма любопытное обстоятельство. Желая, по-видимому, найти себе союзника, или во всяком случае — поддержку среди русских естествоиспытателей, Погодин прибегнул к следующему двойному приему. Он послал свою статью на отзыв какому-то «естествоиспытателю» (ответ которого он приводит в своей статье — стр. 110—120), а чтобы задобрить своего рецензента и создать впечатление научной объективности, он расточает по адресу Дарвина следующего рода похвалы: Дарвин-де несомненно выдающийся ученый и скромнейший человек; он искренно ищет истину, но сам не знает, что творит, он, конечно, вполне религиозный человек и даже, наверное, «ревностный протестант» (стр. 64). Более того, несмотря на всю свою желчную ненависть к тем, кого он называет «нигилистами», он готов признать талант недавно погибшего Писарева, но сожалеет о том, что «другие несчастные юноши, не имея таланта Писарева, остановились на его парадоксах и начали колобродить не только словом, но и делом» (стр. 110).

Ответ «естествоиспытателя» Погодину типичен для либерального буржуазного ученого-специалиста 70-х годов: гениальное учение Дарвина важно как попытка решения важнейшей научной задачи, но оно не имеет ничего общего с материализмом и не затрагивает основ религии. В общем, характер и даже аргументация ответа «естествоиспытателя» удивительно близко напоминают стихотворение А. К. Толстого, свидетельствуя о близости общественно-философских позиций ученого и поэта.

Поскольку, однако, «Письмо естествоиспытателя» с несомненностью свидетельствует, что оно было написано крупным биологом и убежденным сторонником эволюционного учения Дарвина, автора этих строк с давних пор интриговал вопрос о том, кто же этот естествоиспытатель, не поленившийся дважды (и во второй раз — в очень длинном и обстоятельном письме) сделать попытку «просветить» Погодина. Удалось это выяснить сравнительно недавно: автором письма оказался выдающийся антрополог и зоолог того времени, ученик Карла Францевича Рулье, создатель Московской школы зоологов-дарвинистов, замечательный организатор ряда научных и научно-просветительных учреждений Москвы, профессор Московского университета Анатолий Петрович Богданов²¹. Как хорошо известно,

²¹ Это было обнаружено при следующих обстоятельствах. Несколько времени назад проф. Б. Е. Райков передал мне найденное им в Архиве

Богданов сыграл крупнейшую роль в развитии в России во второй половине прошлого века дарвинистских антропологии и зоологии. Тем больший интерес представляет для нас каждый новый или, как в данном случае, совершенно забытый документ, проливающий дополнительный свет на его воззрения. Отвечая Погодину, Богданов не надеялся, что ему удастся переубедить историка или хотя бы внушить ему нецелесообразность публикации его статьи о Дарвине. «Я решился, — писал он Погодину, — «досадить Вам своею оппозициею, которая, вероятно, я это чувствую, останется гласом вопиющего в пустыне». Он был прав. Не понял Погодин Богданова или, что вернее, не хотел понять; его ответ показывает, что он полностью остался на своих позициях мракобеса, церковника и охранителя «официальной народности», который задачу борьбы с дарвинизмом рассматривал прежде всего как задачу чисто политическую. Пожалуй, более наивным в этом споре оказался Богданов, который, веря (или делая вид, что верит?) в искреннее стремление Погодина отыскать научную истину, доказывает ему, что наука имеет несомненное право на исследование законов природы, и, стремясь привлечь симпатии Погодина к дарвинизму, пытается доказать, что учение Дарвина не ведет ни к атеизму, ни к материализму! Эта половинчатость Богданова, типичная для русской либеральной интеллигенции второй половины прошлого века, вполне созвучна другим известным стихотворным строкам того же Алексея Константиновича Толстого: «Двух станов не боец, а только гость случайный», Как бы то ни было, для всесторонней и глубокой характеристики столь важной для истории биологии в России личности, как А. П. Богданов, и вместе с тем для характеристики той достаточно широкой прослойки русской либеральной интеллигенции, которая стояла между двух «станов» — революционно-радикальной интеллигенцией, с одной стороны, и славянофилами и другими «охранительными» партиями — с другой, мы считаем целесообразным привести письмо Богданова Погодину полностью, а не излагать его содержание своими словами.

АН СССР (Фонд А. П. Богданова, 446, опись 1, № 83а) письмо А. П. Богданова к М. П. Погодину, которое, как полагал Б. Е. Райков, никогда не было опубликовано. Прочитав письмо, я сразу узнал его: это и было «Письмо естествоиспытателя» Погодину, вошедшее в состав статьи Погодина о Дарвине. Напечатанный тут же ответ Погодина Богданову датирован 3 июля 1873 г., из чего можно заключить, что переписка между ними имела место в первой половине 1873 г. Пользуюсь случаем выразить мою искреннюю признательность Борису Евгеньевичу Райкову за предоставление мне его интересной находки.

Милостивый государь Михаил Петрович!

Вы желаете непременно, чтобы я подробно и откровенно высказал Вам, почему мне было так прискорбно видеть Ваше решение напечатать написанные Вами заметки о Дарвине, почему от напечатания их я вижу только вред и не надеюсь ни на какой полезный результат.

Я Вас глубоко уважаю, а по-моему уважение к человеку всего лучше выражается и доказывается тем, что ему говорят правду. Простите же невольную резкость моих слов за то, что мотивом их служит правда и уважение этой правды в Вас. Может быть, я ошибаюсь в нашем сложном вопросе²², но ошибаюсь правдиво, т. е. с полным убеждением и не вследствие минутного только увлечения. Призовите же свое беспристрастие историка и выслушайте дружелюбно и нелицеприятно мнение, прямо противоположное Вашему, хотя бы оно шло только от ученика учеников Ваших.

Итак начинаю. В прошлом письме я выразил следующие мысли: 1) Что Вы стоите на ошибочной, как мне кажется, точке зрения относительно Дарвина; во 2) что, желая написать критику на учение Дарвина и указать его слабые стороны, Вы написали только карикатуру на него, и в 3) что для отделения доказанного и верного от гипотетического²³ и шаткого в учении Дарвина нужно быть естественником, нужно специально знать ход естественно-исторических исследований, нужно быть знакомым с методом, задачами и целями естествознания не по популярным²³ только сочинениям, но по изучению самой науки, самой природы. В виду этих соображений я высказал желание не видеть²³ Вашей статьи в печати. «Избави Бог от карикатуры, — сказали Вы на это; — я лучше разорву свое сочинение, чем подам им [т. е. сочинением] повод к карикатуре в научных такой важности вопросах». Вы захотели иметь более подробные данные²³, на коих я основываю свое мнение²³, и я исполняю Вашу волю, хоть с некоторым насилием с своей стороны: полезно спорить о Дарвине можно только в специальном исследовании, в сочинении, основывающемся на новой разработке массы фактов. В общих же чертах исписали²⁴ столько по поводу Дарвина и в особенности против него, столько раз приводили в сотнях со-

²² Мы воспроизводим письмо Богданова по тексту, сообщенному в книге Погодина. Важнейшие расхождения этого текста с черновиком письма, хранящимся в Архиве АН СССР, оговорены нами в примечаниях.— В черновике: «в нашем споре»

²³ В черновике письма это слово подчеркнуто.

²⁴ В черновике письма не «исписали», а «написано».

чинений одни и те же доводы за и против, что всем, следившим за дарвиновскою литературою, все эти споры набили оскомину, подбавлять которую или возбуждать ее снова в себе мне всегда крайне не хотелось. Кто не писал о Дарвине и чего только не написано, но путного²⁵, основательного и нового встретишь вряд ли в одном проценте²⁵ между всею этою грудю печатных листов. Неужели же и напi дорогой Михаил Петрович прибавит несколько листов к этой печальной истории толчения воды, и притом по доброй воле, а не по журнальному наряду. Эта мысль так мне не нравится, что я, никогда не писавший длиннейших писем, а тем более по Дарвиновскому вопросу, решился сделать отступление от принятого раз навсегда правила и досадить Вам свою оппозицию²⁶, которая, вероятно, — я это чувствую, — останется гласом вопиющего в пустыне.

Всё, написанное Вами о Дарвине, идет вразрез со всею тою задачею, которую Вы преследуете: 1) как человек науки, 2) как историк, 3) как философ и 4) как религиозный вполне человек. Простите это смелое слово, но прочтите нижеследующие пункты и положите решение.

1) Как человек науки, Вы даёте Вашею статьею возможность бросить комом²⁵ в науку невежество, и это вот почему: форма, содержание написанного Вами о Дарвине может действовать только на малообразованных, на людей, черпающих свои убеждения относительно естествоведения из общедоступных книг, написанных даже не естествоиспытателями. Всякого, хотя несколько знакомого с критическим²⁵ методом порядочных популярных сочинений по естествознанию, Ваша статья не только не убедит, но и не удовлетворит. Остаются, следовательно, те, которые или никогда ничего путного не слышали об естествознании или же слышали из таких источников, по которым естествознание считается наукою, прямо ведущею к аду, в которых, оно отождествляется²⁵ с материализмом, нигилизмом и всякими²⁵ вредными измами²⁵, на которые падко²⁷ наше время, кричащее²⁵ так много о развитии науки, но в действительности имеющее сильные поползновения заставить говорить науку не то, что она последовательно вырабатывает, а то только, что сказать полезно²⁵ с точки зрения вовсе не научной, а иной... В это ли, не установившееся относительно научных вопросов и изысканий, время маститому историку правды русской бросать насменкою в попытку²⁵ человека гениального, добро-

²⁵ В черновике письма это слово подчеркнуто.

²⁶ В черновике письма не «оппозицию», а «иеремиадою».

²⁷ В черновике письма не «падко», а «так щедро».

совестного, в действительности вовсе не материалиста? В это ли время заподозривать ²⁸ гениального ²⁸ представителя ²⁸ естествознания перед толпою, незнакомою с наукою вообще и с естествознанием в частности, и давать ей орудие против науки вообще? Ваши доказательства вреда Дарвинизма бьют ²⁸ не ²⁸ на ²⁸ мыслительные ²⁸ способности, а на чувства, и чувства глубоко почтенные, религиозные; но разве история не показывала Вам случаев, когда высокие, религиозные чувства, возбужденные по-видимому ²⁸ с хорошою целью, в толпе мало подготовленной, мало знающей, возбуждали варварские проявления? Разве не этими высшими человеческими чувствами играет католицизм в борьбе со всяким человеческим знанием, со всякою человеческою правдою? Разбить идол пред толпою бывает полезно, еще полезнее доказать суеверие и обман в почитании идола; мне кажется, что, восставая против Дарвина и его учения, Вы именно убеждены, что восстаете против такого нового идола ²⁸, являющегося со стороны науки в новом материалистическом учении; Вы желаете его разбить перед толпою, показать его ложность, суетность, недостаточность. Это было бы хорошо²⁸, если бы то²⁸, против²⁸ чего²⁸ Вы восстаете, имело действительно ²⁸ только значение идола вредного и ложного, и если бы кроме того молот, которым Вы намереваетесь разбить идола, был сам крепок и был крепок в Ваших руках. И относительно идола вряд ли достигли бы Вы цели, если бы для достижения цели ²⁹ ограничились только тем, что надели бы на него смешной колпак и привесили бы несколько бубенчиков. Но пристало ли серьезному ученому перед толпой одевать философскую попытку в смешной костюм и давать ей [толпе] в руки ком для бросания в нее [в философскую попытку]? ³⁰ Что если несколько человек от Вашей статьи засмеются не над шаткими сторонами частной теории, а над наукою и знаниями вообще: приятен ли Вам будет этот результат как представителю науки?

2) Как историку, теория Дарвина Вам не должна бы казаться чем-то случайным, с неба свалившеюся, знамением нашего времени. Нова только форма некоторых формул, но не нова суть дела. Вам как и всякому, следившему за ходом знания вообще, даже вне сферы собственно естественных наук, хорошо известно, что весь быстрый прогресс науки в нынешнем столетии,

²⁸ В черновике письма это слово подчеркнуто.

²⁹ В черновике письма не «для достижения цели», а «для уничтожения его (т. е. идола)».

³⁰ Между этой и следующей фразами в черновике письма читаем еще: «Вспомните Вашу остроуту о *спарисании* животных и подумайте. не фальшивая ли это нота, взятая смеха ради?».

и в особенности в последнее десятилетие, объясняется тем, что ученые, отбросив предвзятые ³¹ идеи относительно результатов своих исследований, просто изучают факты и стремятся найти необходимую последовательность и связь между ними. Порядок и закон найден наукою даже в таких явлениях, которые с первого раза кажутся совершенно случайными, произвольными. Облака, ветры, температура — для науки не случайные явления, но подчинены строгим законам. Известная правильность, известный закон замечается в числе рождений, в числе смертности, в числе полов, даже в числе писем, отправленных без адреса, и в числе самоубийств. При таком направлении всех наук, — овладеть представляющимися им фактами настолько, чтобы сделать их предметом исследований, предметом мысли, — то же стремление должно было развиваться и в науках органического мира ³². Человек образованный от человека необразованного отличается тем, что в то время, как последний только поражается страхом или восторгом перед каким-либо явлением, не стремясь логически, научно связать наблюдаемое явление с другими, ему сродными или сопричинными, первый, т. е. образованный, ищет смысла явления, его причину, его закон. Если это делает образованный человек, то ³³ каждая наука тем более должна искать связи, причинности и законности в тех явлениях, которые составляют ее сущность. И биология подчиняется этому и ищет порядка и закона в своих явлениях. Наука выработала, что небесные тела управляются такими строгими законами, что они доступны цифре и вычислению, их можно предсказать. Геология, в теории актуализма Лейля [т. е. Ляйелля], показала, что ход образования земной коры подчиняется тоже правильным, в известном смысле строго математическим законам. Физика и Химия на наших почти глазах подвела под формулы все свои главные явления и сделала их вполне научным достоянием, т. е. достоянием Логики, мысли, а не сердечных излияний ³⁴ и умилений. Физиология, когда обратилась к ножу, микроскопу и Химии, и позабыла умиляться жизненной силою, стала быстро получать могущество и силу действительного знания, и эта сила увеличивается всё более по мере того, как большая и большая часть явлений отходят в область числа, меры, весов и математической формулы. Статистика, с легкой руки Кетле ³⁵, дает дока-

³¹ В черновике письма не «предвзятые», а «превратные».

³² Так в подлиннике.

³³ Слова «Если это делает образованный человек, то...» в черновике письма отсутствуют. Фраза там начинается со слов «Каждая наука».

³⁴ В черновике письма это слово подчеркнуто.

³⁵ Напомним, что в 1869 г. К. Маркс писал следующее об А. Кетле, известном бельгийском физике, астрономе и статистике: «В прошлом у него

зательство закона в социальных явлениях, в той сфере, которая кажется совсем случайною, произвольною. Все эти факты Вам хорошо известны как историку, изучающему ход развития знания и цивилизации. Поэтому естественно было ожидать, что, основываясь на своем глубоком знании Истории, на знакомстве с современным состоянием научного метода, идущего все более и более расширяющимся потоком чрез все науки, касаются ли они природы или человека или общества, Вы сделаете такое заключение: везде анализ, математический метод, изыскание естественных законов быстро двинули знание и только они одни сделали его истинным знанием. До настоящего времени только одна наука об органических формах, только Ботаника и Зоология, стоят каким-то бельмом в стройном ряду других наук; только в них — что ни форма, то и ответ: не знаю. Только у них — что ни явление, то загадка; у них даже курица сама по себе, а петух сам по себе. Мир ³⁶, громадные небесные тела образуются, движутся, изменяются по определенным, величественным по своей простоте законам, доступным не только нашей мысли, но даже нашему вычислению, а всякий гриб, всякая водоросль, всякая блоха в своей истории являются случайностию, необъяснимостию ³⁷. Очевидно, сказал бы историк, такое отношение науки к органическим телам ненормально, оно вызывается нашим недоразвитием. Но теперь, когда первоначальные науки, необходимые для выяснения явлений органической жизни, окрепли, заручились несомненными законами, необходимо должен явиться в науке вопрос и о том, по какому естественному закону связаны друг с другом органические формы, в каком отношении стоят ныне живущие формы к ископаемым, исчезнувшим. Весьма естественно было бы и следующее Ваше предсказание как историка: так как на органические формы можно смотреть или как на появившиеся раздельно друг от друга на земле, или же как на естественно развившиеся одни из других; так как первое начало исключительно до сих пор господствовало в науке, и так как Зоология и Ботаника его эксплуатировали до дна и дошли только до ревизской сказки организмов, именуемой систематикой, и в своих попытках выше таблицы о рангах в классификации [ничего] не выработали, то естественные науки сделают

большая заслуга: он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему никогда не удавалось. Он не двигался вперед, а только расширял материал своего наблюдения и исчисления» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 26, стр. 7).

³⁶ В черновике письма не «Мир», а «Миры».

³⁷ В черновике письма слово «необъяснимостию» отсутствует.

поворот: они станут разрабатывать иную возможную точку зрения, и посмотрим, не будут ли с нею счастливее ³⁸. Такой поворот тем неизбежнее, что наука и прежде обращалась к этой точке зрения в трудах Ламарка и др. и предчувствовала в ней иной путь, но не могла вступить на него потому, что не было средств пропитания на пути, не было достаточного числа фактов, не было необходимых подготовительных сведений. Такою неизбежною для науки попыткой и является теория Дарвина. Для Вас, как для историка цивилизации и науки, она должна бы являться необходимостью, естественным шагом развития, периодом, который *должна* прожить наука и необходимо переживает, и тем более впадет в крайности, чем более лиц будут вызывать реакцию статьями и отзывами о Дарвине, подобно написанным Вами.

3) Как от человека, знакомого не по слуху только с Философией, с ее историей, странно слышать от Вас боязнь от Дарвиновского учения и от обезьяны, им опоэтизированной. Боязнь пред научным исследованием понятна в Папе ³⁹ и его детищах, которые боятся даже Библии для простонародия. Для них свалить вину на Дарвина да на обезьяну дело подходящее, потому что не самим же признаваться, что антикатолицизм выращается ³⁹ ими, а не биологами. Да при непогрешимости и всеведении действительно должны казаться странною продерзостью ³⁹ и опасным вредом попытки искать объяснений причин явлений в науке, а не в силлабусе ⁴⁰. Но ведь у нас, Русских, слава Богу,

³⁸ Это положение Богданова представляет собою редко встречающуюся в литературе попытку показать, что эволюционное учение уже потому должно было появиться, что противоположная точка зрения — учение о неизменности и сотворении видов — к середине XIX в. дала науке максимум того, на что она была способна: искусственную систему растений и животных — «ревизскую сказку» и «табель о рангах», как выражается Богданов.

³⁹ В черновике письма это слово подчеркнуто.

⁴⁰ «Силлабус» (позднелат. *syllabus* — перечень) — общепринятое сокращенное название одного из наиболее реакционных документов папства — «Перечня главнейших заблуждений нашего времени» (*Syllabus complectens praeceptuos nostrae aetatis errores*). «Силлабус» был издан римским папой Пием IX 8 декабря 1864 г. вместе с энцикликой «Кванта кура», осуждавшей все, что расходилось со средневековым учением католицизма. «Силлабус» содержит 80 положений, в которых католической церковью подвергается осуждению все, что связано с успехами современной науки, а также демократические свободы, веротерпимость и особенно социализм и коммунизм. В «Силлабусе» выражены программа теократических притязаний папства, требование признания верховной власти церкви над светской властью (а католицизма — единственной истинной религией), господства церкви в школе и др. Появление «Силлабуса» было вызвано тревогой, охватившей реакционные силы европейских стран

нет тех причин пугаться так, как пугаются католические духовные, — не пастыри, а полициймейстеры. Мы можем смотреть спокойно ⁴¹ на исследование природы, если хотя несколько, с философской точки зрения, посмотрим на то, что делается у других.

Во Франции теория Дарвина не принялась; даже в Академии наук он заслушался за свое сочинение таких эпитетов ⁴¹, каких Вы, по мягкосердечию Вашему, никогда ему не дадите; нигде у Дарвина нет столько противников, как во Франции, но где же материализм и антирелигиозность в полном смысле слова так господствуют, как во Франции, в церквях которой вы видите только женщин и детей? Посмотрите теперь на Англию, где Дарвин печатает свое сочинение и где в несколько дней раскупаются его сочинения: там ведь его учение никакого материалистического ⁴¹ движения не произвело, за исключением пущенной газетами утки о том, что один человек бросился в Темзу с отчаяния, убедившись, что он происходит от обезьяны. Посмотрите на Германию: там были и Штраусы и Бюхнеры и переводы Дарвина; Немцы читали и все оставались католиками ⁴², пока Папе не вздумалось провозгласить себя Богом. Припомните из недавнего прошлого: отпетые материалисты выходили ли из медиков и из естественников или же из семинаристов ⁴¹ (у нас) и [из] адвокатов и философов, т. е. занимающихся утилитарными ⁴³ науками (за границею)? Не забудьте также того факта, что в духовных академиях на первых семестрах, при начале философского изучения, студенты заражаются временно критицизмом, позитивизмом, материализмом ⁴⁴, и что это скоро уступает другому настроению, глубоко религиозному и тем более крепкому, чем оно сознательнее выработано после борьбы и размышлений.

Много ли из думавших и естественно развивающихся не переживало внутри себя периода религиозных сомнений, колебаний, и много ли осталось навсегда материалистами? Остались те, поверьте, у кого в организации мясо и кровь настолько преобладают, что они были бы материалистами и без всяких Бюхнеров

в связи с ростом революционного рабочего движения и прогрессом науки. «Силлабус» до сих пор используется в интересах империалистической реакции (БСЭ, изд. 2, т. 39).

⁴¹ В черновике письма это слово подчеркнуто.

⁴² Так и в черновике письма.

⁴³ В черновике письма не «утилитарными», а «гуманитарными».

⁴⁴ В черновике письма вместо «критицизмом, позитивизмом, материализмом» сказано: «критицизмом (порá ли эта важна ли?) материалистов».

и Дарвинов⁴⁵. У нас много напускающих на себя религиозный индифферентизм, делающих себе из него род украшения; но примотритесь к ним поближе и Вы разубедитесь в их безучастности к религии. Наконец, припомните, что лучшее средство для распространения чего-либо вредного — это кричать об опасности его и проповедовать запрещение: тогда навверное Вы поспособствуете [его] распространению.

Учение Дарвина, хотя бы об обезьяне, или верно или же нет. Если оно верно, если оно основано на фактах и *будет бесспорно доказано фактами*, то, что бы Вы ни делали, оно станет господствовать. Если же оно — увлечение, то наука сама выметет его, сама найдет такие доказательства, против которых не устоять ему.

Посмотрите, как смотрят истинные естествоиспытатели на мысль Дарвина, считают ли они ее настолько же доказанною, как вращение земли вокруг солнца? Нет! Они берут ее как одну из возможных гипотез и всячески изучают ее на фактах. Они усиленно отыскивают ее слабые стороны. Дайте же, как философ, окончиться этому критическому труду; отнесите с уважением к необходимой попытке в естествознании Дарвинова учения, и не передавайте в легкой форме [т. е. в виде легкой формы] насмешливых замечаний на унижение и посмеяние строго научную и философскую попытку человеческого ума, и ума гениального, на растерзание тем, которые не обладают ни достаточным знакомством с научными исследованиями и требованиями, ни достаточную подготовку, чтобы быть судьями дела.

4) Странно видеть у Вас⁴⁶ именно⁴⁶ то раздражение, которое высказываете Вы против сочинения Дарвина с религиозной точки зрения; странно также, что Вы требуете от научного сочинения формы акафиста или богословского упражнения. Вам бы всё хотелось, чтобы всё естествознание писалось в духе Бриджватеровских трактатов⁴⁷ или по любимому рецепту

⁴⁵ Эта фраза полностью выдает половичатость и противоречивость позиции, занятой Богдановым в отношении материализма. В самом деле, он то говорит о материализме в чисто философском смысле, то, как в данном месте, собственно не о материализме, а о материалистах в житейском смысле, т. е. о людях, больше всего ценящих в жизни грубые материальные блага; то он утверждает, что дарвинизм ничего общего не имеет с материализмом и не противоречит религиозным чувствам, то говорит, что можно стать атеистом и материалистом и без помощи Бюхнера и Дарвина, которые, следовательно, все-таки являются атеистами и материалистами.

⁴⁶ В черновике письма это слово подчеркнуто.

⁴⁷ Бриджватеровские (правильнее: Бриджуотерские) трактаты (Bridgewater treatises) — серия сочинений, написанных рядом английских натуралистов (среди них философ и историк науки Уэвелл, геолог Бёкленд, физиолог Белл и мн. др.) на переломе XVIII—XIX вв. и носивших харак-

английских популярных сочинений⁴⁸, везде кстати и некстати умиляющихся чудесностями явлений. Такая форма, как показывает История, всего более способна повести к реакции; научные же исследования, по тому же показанию, не вредят религиозному чувству. Вспомните, что религия не пошатнулась ни на иоту ни от того, что земля стала, по науке, обращаться вокруг солнца, ни от того, что весь звездный мир подчинился математической формуле в своих движениях; ни от того, что Геология показала громадную продолжительность явлений, содействовавших образованию земли. Когда все эти научные результаты появлялись впервые, то казалось, что с принятием их подрывается авторитет священных преданий, а сколько книг, не только что заметок, написано было в предостережение невинных сердец от принятия этих ложных научных учений, этих стремлений наук к возбуждению неверия; дело не ограничивалось только книгами и брошюрами, а иногда соединялось с темницею, пыткой и анафемою. И не странно ли, не жалко ли нам смотреть теперь на эти опасения, на эти элегии [т. е. жалобы]. Теперь и в духовных академиях учат об обращении земли вокруг солнца, теперь о геологических периодах спокойно, научно критически и беспрестанно⁴⁹ пишут и читают лекции и богословские авторитеты. Имеете ли Вы основание предполагать, что и из теории Дарвина в окончательной ее форме не выработается таких же простых, ясных данных относительно биологических форм, какие выработали Геология и Астрономия по предметам своих исследований, с которыми Вы так же помиритеесь с религиозной точки зрения, как помирились с неподвижностью солнца? И это будет непременно. Наука имеет идеалом истину, религия ее своею основою; если наука окончательно выработала истину, то эта истина непременно окажется как результат, как частное истин религиозного изучения, но дайте только науке свободу дойти до этого, помогите ей серьезным исследованием, а не насмешкою⁵⁰.

Вспомните, какую борьбу выдержали и Библия и Евангелия, какие учения, противоположные им, не разбились об этот

тер «натуральных теологий», т. е. стремившихся доказать существование бога на основании наличия якобы в природе «заранее задуманного плана». Название происходит от имени английского духовного деятеля графа Бриджуотера (Френсиса Генри Эджертона, 1756—1829), завещавшего крупную сумму на оплату натуралистов, которые согласятся написать эти трактаты.

⁴⁸ В черновике письма: «некоторых английских популярных сочинений».

⁴⁹ В черновике письма не «беспрестанно», а «беспристрастно».

⁵⁰ В черновика письма: «а не насмешкою и застрасиванием».

несокрушимый и неистощимый источник мудрости; их ли влиянию может принести вред появление новой теории, когда они пережили их, может быть, более сотни тысяч? Я знаю, что Вы мне на это возразите. Вы скажете, что Вы боитесь не за религию, а за тех малых, которые увлекутся ложным учением и отклонятся от света. Не бойтесь, Михаил Петрович, и не бойтесь именно по твердой уверенности в истине учения веры. Бывают и в жизни каждого человека и в жизни каждого поколения периоды, когда переживается сомнение, когда впадают в крайности, когда одной богине разума ставят алтарь, но он недолговечен, и религиозная правда берет свои права и выходит с новою победой. Материализм вредный, хронический⁵¹, трудно излечимый возбуждают не Штраусы и Ренаны, не Дарвины и Лейли [Ляйелли], а стремление к непогрешимости не священного учения, а тех представителей религии, которые временное и недостаточное свое понимание природы, истории и нравственного развития человечества хотят обставить догматом непогрешимости.

Ваши нападки на Дарвина тем теперь несвоевременнее, что и в России первое увлечение его теорией прошло, и к ней даже молодежь стала относиться спокойнее и рассудительнее.

Простите за эти строки, идущие прямо вразрез с Вашим взглядом. Простите и за отрывочность высказанного. Как ни длинно мое письмо, но в нескольких страницах не напишешь удовлетворительно о таком сложном и важном предмете. Обратите внимание на побуждение и источник этого письма, и за него простите неудачи его формы и изложения.

(А. П. Богданов).

Это письмо представляет, как нам кажется, значительный интерес для истории биологии в России, так как оно наглядно демонстрирует позиции либералов в 60—70-х годах прошлого века, позиции, противопоставлявшие их как реакционерам, так и революционным демократам. Говоря о борьбе передовой русской интеллигенции 60—70-х годов за дарвинизм, мы часто склонны стирать различие между революционными демократами и либералами. Этим искажается подлинно историческая картина той расстановки сил в области борьбы за передовую науку, которая сложилась в России в рассматриваемый период. Богданов, как и другие ученики Рулье (Усов, Борзенков и др.), был несомненно убежденным эволюционистом-дарвинистом. Но, как видно из приведенного письма его к Погодину, его позиции ученого, пытавшегося перебросить мостик между наукой и рели-

⁵¹ В черновике письма это слово подчеркнуто.

гией, были противоположны как всему мировоззрению революционных демократов, так и, в частности, их отношению к дарвинизму, столь отчетливо выраженному в статьях о Дарвине Писарева, Тимирязева, Антоновича и многих других. Нередко, пытаясь доказать едiнство позиций либералов и революционных демократов в отношении их к дарвинизму и, во всяком случае, их якобы равноценную роль в пасаждении и распространении дарвинизма в России, забывают об указанном глубоко принципиальном различии, или даже, что, пожалуй, еще хуже, пытаются отвести антиматериализм и теизм в высказываниях либералов заявлением, что такого рода позиция их представляла собою лишь ширму, лишь средство защитить и распространить достижения передовой науки под прикрытием ничего не значащих и явно «вынужденных» религиозных и идеалистических фраз. Возможно, что в некоторых случаях именно так и обстояло дело, особенно в печатных и других публичных выступлениях. Однако ни в коем случае нельзя обобщать это положение. Наоборот, в подавляющем большинстве случаев выступления и заявления этого рода были вполне искренними. Письмо Богданова показывает это с величайшей доказательностью.

В самом деле, весь текст письма выражает глубокое стремление его автора во что бы то ни стало, защищая учение Дарвина, договориться с Погодиным. Он вполне искренне стремится доказать, что наука нигде и никогда не вступала и не вступает в противоречие с религией, что атеизм и материализм — детища не передовой науки и ее открытий и теорий, а... католицизма, деятели которого, как он говорит, это не «пастыри, а полицеймейстеры», возбуждающие в обществе реакцию против религии и идеализма и толкающие его к материализму и атеизму своей не в меру ретивой охранительной деятельностью, которая в прошлом нередко прибегала к пыткам и кострам инквизиции, а в настоящее время издает свои запретительные «силлабусы». Он почти умоляюще просит Погодина не мешать дарвинизму развиваться самостоятельно с тем, чтобы наука сама отбросила его целиком или частично, если обнаружится его полная непригодность или частичная ошибочность.

Следует ли, однако, из всего этого, что либералов-ученых типа Богданова было бы исторически правильно объединить в единый лагерь с правыми реакционерами типа Погодина? Разумеется, нет. В то время различие в их позициях было еще очень глубоким. Богдапов и другие русские прогрессивные натуралисты того времени были очень близки по своему мировоззрению к той огромной массе прогрессивных западных ученых, которые, развивая научное исследование и придерживаясь передовых

научных теорий, вместе с тем не в состоянии были порвать идеологически со своим классом — с буржуазией и называли себя антиматериалистами, идеалистами, теистами. Можно лишь говорить о тенденции этой прослойки русской интеллигенции 60—70-х годов как-то договориться с правыми течениями. С годами эта тенденция действительно привела либералов к значительному сближению с правыми по многим вопросам политики и идеологии.

Правые элементы, в противоположность либералам, проявляли значительно более трезвое понимание действительности. Они отчетливо видели, откуда надвигается на них опасность, они совершенно правильно ставили знак равенства между дарвинизмом, с одной стороны, материализмом и атеизмом — с другой, и поэтому никакие уговоры прекратить злобный поход против дарвинизма не могли, понятно, подействовать на них. Письмо Богданова не переубедило, конечно, Погодина, что, впрочем, Богданов, как уже было выше указано, предвидел. Любопытно, однако, другое. Ханжески заявляя, что он, как это понятно, не являясь специалистом в области естествознания, не может спорить с Богдановым, вообще с биологами, по существу, Погодин тем не менее в конце своего ответа Богданову рекомендует натуралистам список литературы, которая должна наставить их на путь истинный. Эта литература содержит отечественные произведения по «натуральной теологии», опубликованные русскими церковными писателями в 1870—1873 годах: «Библия и наука» Г. Вл... (Г. К. Властова), «Борьба с лгущей ученостью» Н. П-ва, «Беседа» отца Гиацинта в Женеве в 1873 г., «Учение Дарвина» А. Лсбедева и другие статьи против Дарвина, напечатанные в любезном сердцу Погодина Катковском «Русском Вестнике». Имена и произведения этих отечественных антидарвинистов (вернее — антиэволюционистов), как и следовало ожидать, полностью и справедливо забыты. Но историк науки, который «по долгу службы» вынужден познакомиться с ними, может, между прочим, легко убедиться в том, насколько мелкотравчаты эти авторы и их произведения по сравнению с авторами «Бриджуотерских трактатов» — хотя и реакционными, но крупными английскими натуралистами начала XIX в. Справедливо забытой оказалась и «карикатура» на учение Дарвина, состряпанная Погодиным.